

недосказанное

СБОРНИК СТИХОВ

Александр
СМОЛОВ

ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА

A woman in a white, flowing dress is depicted floating or dancing in a dreamlike, ethereal space. The background is a soft, hazy blue and white, with numerous sparkling light effects and starbursts scattered throughout. The woman's dress is voluminous and billowing, creating a sense of movement and grace. Her right arm is raised, and she appears to be reaching towards the light. The overall atmosphere is one of wonder and beauty.

Александр Асмолов
Недосказанное (сборник)

«Автор»

2006

Асмолов А. Г.

Недосказанное (сборник) / А. Г. Асмолов — «Автор», 2006

ISBN 5-93550-088-4

Считается, что мужчины менее общительны, чем лучшая половина человечества. Скорее всего, это верно, если не принимать во внимание представителей публичных профессий. Если же говорить о чувственности, то мужчины просто более сдержаны в её проявлениях. Они не так часто дарят цветы и говорят о своей любви, но вся жизнь их посвящена именно этому великому чувству. Покоренные вершины, неизведанные дали, удивительные открытия – это слова признания своим избранницам. Только фразы порой получаются угловатыми, да и то лишь потому, что мужчины часто остаются мальчишками, для которых содержание важнее формы. Но приходит время, и всё невысказанное мужчина стремится выразить – кто-то начинает рисовать, кто-то писать. Мне очень повезло в жизни, я встретил удивительно светлого человека, пробудившего в душе любовь и жажду творчества. Только благодаря ей появились эти строчки и эта книга. Надеюсь, что и вам, дорогие читатели, будут небезразличны мысли и переживания, недосказанные когда-то, но которые так легко ложатся на бумагу теперь. Поэтический сборник будет интересен не только искушенным любителям современной поэзии, но и тем читателям, кто только открывает для себя красоту изящной словесности.

ISBN 5-93550-088-4

© Асмолов А. Г., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Избранное	7
Сон	7
Как быть?	9
Поводырь	10
Витязь	11
Иллюзия	12
Мечтатель	13
Зеркало	14
Воспоминание о шпаге	15
Сёстры	16
Судьба	17
Символ	18
Тишина	19
Кто понимает	20
Приснилось мне	22
Тоска	24
Тройка	25
Чужая боль	27
Черта	28
Чёрный фолиант	29
Флинт	30
Пророчество	31
Письмо	32
Печаль	33
Память	34
Отцу	35
Она	37
Одиночество	38
Объятья	39
Начертано судьбой	40
Надежда	41
Иногда	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Асмолов

Недосказанное (сборник)

© АСМОЛОВ А., 2006

* * *

Считается, что мужчины менее общительны, чем лучшая половина человечества. Скорее всего, это верно, если не принимать во внимание представителей публичных профессий. Если же говорить о чувственности, то мужчины просто более сдержаны в её проявлениях. Они не так часто дарят цветы и говорят о своей любви, но вся жизнь их посвящена именно этому великому чувству. Покоренные вершины, неизведанные дали, удивительные открытия – это слова признания своим избранницам. Только фразы порой получаются угловатыми, да и то лишь потому, что мужчины часто остаются мальчишками, для которых содержание важнее формы. Но приходит время и всё невысказанное мужчина стремится выразить – кто-то начинает рисовать, кто-то писать. Мне очень повезло в жизни, я встретил удивительно светлого человека, пробудившего в душе любовь и жажду творчества. Только благодаря ей появились эти строчки и эта книга. Надеюсь, что и вам, дорогие читатели, будут небезразличны мысли и переживания, недосказанные когда-то, но которые так легко ложатся на бумагу теперь.

Все, чем я живу и дышу, посвящается Ирине.

Избранное

*«Сольюсь со светлым миром высоты,
И жажду утолю неведанных познаний.
Увижу смысл духовной красоты,
И окунусь в любовь божественных созданий...»*

Сон

Мой сон, как маленькая смерть,
К другим мирам уносит душу.
И погружаясь в эту круговерть,
Надеюсь, что границы не нарушу.

Хоть тело в неподвижности лежит,
И, кажется, оно совсем не дышит,
Ресница в лунном свете не дрожит,
И лишь инстинкт мой что-то слышит.

Издревле чуткий сторож естества
Спокойствие мне охранять назначен.
Приняв обличие земного существа,
Мой дух уверен, что не будет схвачен.

Уговорив натруженную плоть
На миг блаженным сном забыться,
Мирских соблазнов похоть побороть,
Душа способна к светлому стремиться.

Невидимые крылья развернув,
Из душной тени мелочных желаний.
Покинет грешный мир, едва взглянув,
На глупость пламенных воззваний.

Границу чёрной ночи разорвав,
Я солнца в полночь свет увижу.
Себе сознаюсь, слова не соврав,
Что я свободен от всего, что ненавижу.

Сольюсь со светлым миром высоты,
И жажду утолю неведанных познаний.
Увижу смысл духовной красоты,
И окунусь в любовь божественных созданий.

Едва рассвет забрезжить поспешит,
Я в тело обернусь, лежащее на зоне.
С тоской глядя, как в темноте горит,
Чужой души огонь на небосклоне.

Как быть?

Как разум опытом познания наполнить?
Как сердце пылким чувством напоить?
Счастливым стать и зла не помнить,
А душу к светлой радости открыть?

Не стать рабом достатка и порока,
И что такое зависть позабыть.
Прислушаться бы к голосу пророка,
И жизнь, как рифму, правильно сложить.

Найти свою звезду на небосклоне,
Дорогой праведника босиком пройти.
Не прикасясь к царственной короне,
Тяжёлый крест на гору донести.

Источник мудрости издалека увидеть
Души израненной смятенье утолить.
В нём отраженье Господа представить,
И у него совет спросить – как быть?

Поводырь

Мы часто себе ищем господина,
Безропотно в затылок становясь.
И лишь когда минула половина,
Осознаём, что перед нами мразь.

Коварством, лестью и обманом
Они стремятся захватить штурвал.
Затем всё тащат по карманам,
И в иступленьи топчут идеал.

Как дорого доверчивость даётся,
Но память почему-то не хранит.
И снова к власти нечисть рвётся,
Враньё преподнося как мрамор и гранит.

Солёный ветер паруса наполнит,
И серебриться океана ширь.
Бравурный марш в дорогу нам исполнит
Слепой, но очень хитрый поводырь.

Витязь

На ломтик чёрного, поджаренного хлеба.
Икры зернистой устремиться слой.
Салфетка красная и скатерть цвета неба,
Бокал хрустальный оттенят каёмкой золотой.

Оливки крупные в лучах свечи лоснятся,
И сельдь норвежская лучком окружена.
Опята скользкие на рыжики косятся,
Резная миска хрустом огурцов полна.

Капуста с клюквою морковкою украшена,
И заливной судак петрушкою покрыт.
Горчица в плошке так заботливо приглажена,
И чесночок в салате глубоко зарыт.

Графин пузатый запотел от одиночества,
Ножи и вилки, по ранжиру, к бою обнажив.
Издалека слышны слова пророчества –
Ещё никто в сей битве не остался жив.

Подобно витязю у камня на распутье,
В меню мерещатся три памятных строки.
Пойду вперед, сомненья рву в лохмотья,
Мне не пропасть в пучине огненной реки.

Иллюзия

На полках, в книгах мудрости великой
Пылятся тайны бытия.
Судьбы чужой и многоликой
Следы впечатаны, молчание храня.

Пытливый взор, по строчкам пробегая,
В себя вбирает смысл жития.
Чужие страсти в сердце оживляя,
Добро преемлет, гонит зло, браня.

Великая иллюзия вселенной!
Мир, созданный на кончике пера.
Как Афродита мысли пенной,
Как Ева из Адамова ребра.

Писатель, создавая труд нетленный,
В счастливых муках творчества парит.
Свои эмоции в тот миг благословенный
Он в строчки обращает, как в гранит.

Читатель за короткий век свой бренный
Успеет столько жизней пережить,
Что перед смертью слышен шёпот откровенный,
– Учитель, я готов на новый круг ступить.

Мечтатель

В февральский полдень снег заплакал,
Невыносима грусть по уходящей красоте.
Сверкнув на солнце, с крыши капал,
Последний миг прожив на высоте.

Исчез, горячим телом след оставив,
Средь соплеменников, укрывшихся в тени.
Своим порывом жизни не исправив,
Он что-то всколыхнув среди родни.

Короткий век свой чистотой гордился,
Борясь с ветрами, дружбу воспевал.
Судьбу благодарил, что вновь родился,
Соперничая с солнцем, яростно сверкал.

Во имя красоты всегда наверх стремился,
И падая с небес, вершины выбирал.
Там в белом братстве воедино слился,
Где равным был солдат и генерал.

Студеной ночью их метель страдала,
Над ухом выла, как костлявая с косой.
И от мороза кровля вся трещала,
Но пост не бросил, хоть стоял босой.

Он свято верил в чистоту предназначенья
Открылся солнцу, жертвуя собой.
И жизнь отдал, в порыве наслажденья,
А не продлил её в грязи на мостовой.

Зеркало

Давно хочу такое зеркало найти,
Чтоб отражение души своей увидеть.
С надеждой давнею смиренно подойти
И осознать, кого могу любить и ненавидеть.

Не торопясь детали рассмотреть,
Прильнув к стеклу и дрожь не унимая,
Дыханье затаить, чтоб ненароком не стереть,
И прочитать узор тончайший, его тайны понимая.

Я знаю, что рассудку вопреки,
Сознанию и всем церковным книгам.
Не повернуть мне вспять течение реки,
Но грани лишь коснусь, и век вернётся мигом.

Минувших дней увижу след,
Прошедших жизнью отпечаток встречу.
И сладковатый вкус давно утерянных побед,
И расставаний вечных горечь на губах замечу.

Узнаю ту, что мне была
Единственной, неповторимой,
Которая меня так искренне ждала,
И помогала жить, когда была незримой.

Я распознаю? всех родных
И все, что вспомнить я не в силах.
Хоть время делит нас на мертвых и живых,
Но наши души помнят то, что спрятано в могилах.

Воспоминание о шпаге

Великих воинов имена и шпаги
Как гимн звучали с детства для меня.
О них слагали мифы, песни, саги,
Когда мечам своим они давали имена.

В походах дальних, славу добывая,
Шли первыми навстречу острию.
Друзей от гибели собою закрывая,
Скрывая раны, шли всегда в строю.

Красивые и сильные мужчины,
К себе притягивали взгляды и мечты.
Не сомневались в поисках причины,
Чтоб шпагу обнажить в защиту доброты.

Кольчугой тонкой тело прикрывая,
Сердца для дружбы и любви открыв,
Врагов своих перчаткой вызывая,
Всю жизнь прожили как один порыв.

Подобно молнии на поле брани
Клинки и взгляды с нечестью скрестив,
С азартом балансируя на грани,
В душе хранили нежности мотив.

Как жаль, что пуля шпагу подменила,
И рыцарства законы – в забытьи.
Молва людская слово честь забыла,
И обсуждает лишь газетные статьи.

Сёстры

Любовь и смерть, как сёстры, ходят рядом,
Близки, как две ступени у одной черты.
В порыве, трудно разделить их взглядом,
И обе любят, когда дарят им цветы.

И брату разуму увещеваньям неподвластны,
Отцов характер у обеих крут.
С одной мы – счастливы, с другой – несчастны.
Но обе вечно рядышком идут.

И обе любят белые одежды,
За ними шлейф молвы несут года.
Одна приколет брошь надежды,
Другая – крест печали навсегда.

Над миром сёстры пристально кружатся,
Высматривая жертвы из толпы.
Амуры стрелами попасть стремятся,
Косой старуха метит с высоты.
В объятия любой попасть опасно,
Любая сердцем завладеть спешит.
Но лишь судьба определит негласно,
Кто в этой схватке победит.

Да и меж ними мира не бывает,
За душу грешника война идёт.
Подружка ревность свои сети расставляет,
Гадая, куда смертный забредёт.

Падет ли в сладкий плен и страстью насладиться,
Всего себя раздаст, не требуя взамен.
Или холодным сном прельстится,
В том мире, где не слышно перемен.

А жизнь, как мать, заботливой рукою,
Обоим торопиться не велит.
Но озорница вечно манит за собою,
Молчунья – нанесёт негаданный визит.

Судьба

Господь отмерил каждому по доле,
Судьбу послал в поводыри.
И бродят грешники по воле,
Маршрутом длинным от зари и до зари.

Кому-то жизнь мерещится подвластной
Амбициям, стремлениям, борьбе.
А смельчаки готовы предложить с опаской,
В орлянку поиграть судьбе.

Убогие и слабые покорно
Клянут судьбу, взывая к божествам.
Лгуны и хитрецы пытаются проворно
Её надуть, ступая по чужим следам.

И многие хотят узнать заранее,
Что предначертано в судьбе.
Дорога дальняя, награда, наказание –
Цыганка с картами расскажет о тебе.

Несчастные своей судьбы забыли имя,
Впотьмах блуждают, злобу затая.
И лишь влюбленных неземное племя
Блаженствует, судьбу благодаря.

Безумец вызов ей в лицо бросает,
Отвагу, словно шпагу, обнажив.
Но лишь счастливых она балует,
Превратности свои в сторонку отложив.

СИМВОЛ

И я когда-нибудь умру,
Дышать и думать перестану.
С собой багаж не заберу,
Незримым и ненужным стану.

Освобожусь от суеты,
Прощу обман и обещанья.
Оставлю прежние мечты,
И позабуду предсказанья.
Земную плоть с души стряхну,
Внизу все низкое оставлю.
Небесной глубины глотну,
И в вечность суть свою направлю.

Познанием жажду напою,
Смысл бесконечности открою.
И пусть не ждут меня в строю,
Пойду божественной тропею.

Я верю в свет своей души,
Как в тайный знак предназначенья.
В сырой удушливой глуши
Блеснет он символом спасенья.

Тишина

Рожденная в объятьях ночи и тумана,
Она всегда незримой и доверчивой была.
Манила стройностью девического стана,
Беззвучной лаской незаметно в плен брала.

С покоем в детстве дружбой дорожила,
А в юности любила с одиночеством грустить.
К печали бабке часто в гости заходила,
И многим помогала все обиды позабыть.

Украдкой с ранним месяцем встречалась,
С июльским полднем обнималась на лугах.
И в прядки с эхом по ущельям забавлялась,
Но так и не влюбилась, хоть и бредила во снах.

Ей безрассудно завладели сказочные дали,
И облик принца не давал подолгу ей уснуть.
Так много небылиц о ней завистники слагали,
Мол, даже ветерок мог невзначай её вспугнуть.
Шло время, и соседи часто подмечали,
Что вслед за ней вдруг налетает ураган.
И все её раздумья, и странные печали
Молва категорично объявила за обман.

Её коварством объясняли зимние метели,
Затишье перед бурей колдовскою нарекли,
Со штилем сговор все суда швырял на мели,
Причину майских гроз в её молчании нашли.

Не миновать костра языческих сказаний,
Она бы ведьмой к нам из старины пришла,
Но от влюблённых множество посланий,
Поэтов дружба от невежества спасла.

Как без её участия могли бы появиться
Святые мысли, чувства, нежные слова.
Лишь с ней могли несчастные молиться,
Когда костлявая являлась предъявлять права.
Она таит в себе несметные богатства,
Но её тайна только избранным слышна.
Познаний жаждущих объединяет в братство,
Одним коротким словом – тишина.

Кто понимает

Полупрозрачной пеленой
туман Москву внезапно спрятал,
Лишь купола над мостовой
горели яростным закатом.
Но, сговорившись с темнотой,
которую давненько сватал,
Он пропустил её рекой,
и та расправилась со златом.
Огромный город свет зажег,
пытаясь побороть затменьё,
Но плотный смог в борьбе помог,
собой являя чернь смятенья.
Туман-бродяга ликовал –
столицей править хоть мгновенье,
С подругой темной ворковал,
закрыв глаза от наслажденья.

Безумной страстью одержим,
он белокаменную красил,
Чтоб тьмы установить режим,
огни гасил на тротуарах.
Запутал бусинки огней,
на фонарях всю грязь заквасил
Стирая память ясных дней,
топил их в темно-бурых чарах.

Когда за сумрачной порой
сестрица-ночь в Москву явилась,
Она столкнулась с пустотой,
которая сюда вселилась.
Исчезли все монастыри,
над колокольной тьма обвилась,
Дырой зияли пустыри,
пропало всё, что здесь родилось.
Орел двуглавый ввысь взлетел,
но так и не обрел дорогу,
Быть мудрым символом хотел,
вселять надежду понемногу.
Но двойственность его удел,
и как идти обоим в ногу,
Во тьме он отошел от дел,
теперь приносит лишь тревогу.

Ночь растерялась в пустоте,
не знает, что укрыть собою,

Она привыкла в темноте вершить,
что сказано судьбою.
В загадке тайну сохранить,
и хороводить звезд гурьбою,
Влюбленным нежность подарить,
связав слова разрыв-травой.

Свою ненужность ощутив,
ночь взволновалась не на шутку,
И черной воле супротив,
она доверилась рассудку.
Черёд рассвета настает,
он прокрадется на минутку,
Лучом всю серость разорвет,
и прокричит петух побудку.
Мой верный бриз, что ночью сны
всем смертным тихо навеваешь,
Среди туманной пелены
лишь ты дорогу распознаешь.
Молю тебя – спеши скорей,
как только утро повстречаешь,
Не ждите солнце у дверей,
все небо – настезь. Как, ты – знаешь.

Я верю, тьма не устоит,
пред ярким светом мрак растает,
И первым купол заблестит,
что белый храм вверху венчает.
Пусть иней руки холодит,
монах впотьмах рассвет встречает,
«К заутренней» едва звучит,
он будит тех, кто понимает.

Приснилось мне

Весёлый праздник не ушёл с гостями,
Под ёлкой молча притаился в уголке.
Там что-то шевелилось меж ветвями,
Как муха в чуть прижатом кулаке.

Убрал посуду, наведя порядок в доме,
Я в комнату тихонько заглянул.
Сначала мне подумалось о гноме,
Который ночью заблудился и уснул.

Но стоило приблизиться к иголкам,
И прикоснуться к пышной красоте,
Огни как белки прыгали по полкам,
И где-то растворялись в высоте.

В душе оркестром музыка звучала,
И рядом клокотал задорный бал,
И радость с сердцем в унисон стучала,
Проснувшись, праздник всех в охапку брал.
Насытившись нагрывшим весельем,
Едва на шаг я робко отступил.
Почувствовал, как тягостным похмельем,
Весёлый праздник вновь к себе манил.

Зачем-то поселившись в моём доме,
Он свил себе гнездо среди ветвей.
Доступен, будто мысли в книжном томе,
Был незаметен, словно майский соловей.

Испытывать его терпенье не решаясь,
Я постелил за письменным столом.
Но побожусь, что взгляд его, не каюсь,
Следил, как я забылся сладким сном.

Наутро, только первый день проснулся,
Хотя, за старым всё тянулся след.
Со стуком в мои двери ломанулся,
Михалыч, мой докучливый сосед.
На кухне мы с ним молча покурили,
Приняв, для облегченья бытия.
Он в тайне рассказал, как сторожили
Они с друзьями этот праздник с ноября.

Так каждый год они в дозор уходят,
По расписанию в ночной секрет идут.

И ночи напролет с дороги глаз не сводят,
Но праздники обходят их редут.

В Сочельник братство долго совещалось,
Грозилась слабым посадить на кол.
И бдительность ещё у всех осталась,
Но, представляешь, ЭТОТ, не пришёл!

Наш долгий разговор к обеду растянулся,
Его по-христиански стало жаль.
Обняв за плечи, я к нему нагнулся,
Шепнув, что одолеем мы печаль.
На цыпочках пройдя по коридору,
Приблизилась к чудеснице вдвоём.
Он не дышал, согласно уговору,
Такая деликатность проявилась в нём.

Дрожащею рукой коснулся веток,
И тут же закрутилась карусель.
Он веселился стайкой малых деток,
Устав, обмяк как клюквенный кисель.

Сел на полу, прижав к груди подарок,
Так радостно смотрел в мои глаза.
Подобно ангелу среди библейских арок,
Готов был возвестись на образа.

Потом поднялся молча, чуть шатаясь,
Беззвучно растворился в тишине.
Ушёл и праздник, так же, не прощаясь,
Наверно, это всё приснилось мне.

Тоска

Глубин сознания касаясь,
в бесцеремонности не каюсь,
Холодным вечером тоска,
как ствол застыла у виска.
И в душу молча пробираясь,
как будто этим наслаждаясь,
Ручьём, начав издалека,
вдруг взбеленилась, как река.

Из пены образы рождая,
и свой порядок утверждая,
Мой разум стиснув в кандалы
и волю сбросив со скалы,
В пучине всё порабощая,
остатки чувства укрощая,
Накрыв для праздника столы,
решила править средь золы.

У пепелища восседая,
обрывки давних снов съедая,
Насытившись моей мечтой,
вдруг обернулась пустотой.
Звенящая и вся седая,
неясный страх внутри рождая,
Наполнив сердце суетой,
позвала ужас на постой.
Он был готов уже вселиться,
покняжить и повеселиться,
Покурлесить без забот, да вышло все наоборот.
Любовь не думала мириться
и в бездне тихо раствориться.
Перешагнув весь темный сброд,
кишащий у моих ворот,

В глаза мне нежно заглянула,
и что-то ласково шепнула,
За плечи тихо обняла, и дурь с души моей сняла.
И жизнь опять в меня вдохнула,
исчез и холодок от дула.
Покров ночной приподняла,
взамен и строчки не взяла.

Тройка

Через дремучие и темные леса,
Вдали от ровной магистрали.
С привычным скрипом колеса,
На бричке обветшалой путь искали.

Не то, что б, явно заплутав,
Среди густого бурелома.
Стремилась к полю сочных трав
Вокруг зажиточного дома.

Но верили, что ехали вперед,
Своей проторенной дорогой.
И полупьяный, набожный народ
Послушен был привычке строгой.

Когда ухабы стали велики,
А мужичок с вожжами закемарил.
На повороте наши земляки
Его спихнули, что б не правил.

И обернули бричку кумачом,
И, вожжи натянув, с горы пустились.
Горланя, что овраги нипочём,
Крушили всё, где русские крестились.

Добро по сторонам кидали впопыхах,
Что б бричка всё быстрее катилась.
Телами ямы затыкая в камышах,
Что бы движенье не остановилось.

И всякого, рискнувшего сказать,
Что ровная дорога где-то рядом.
Погонщик заставлял кнутом бежать
Перед повозкой. Объяснив обрядом.

Когда увязли по уши в грязи,
И отобрали вожжи у водилы.
Увидели лишь островок вблизи,
Где предков брошены могилы.

Советчиков немало набралось,
Как нам на сушу выбираться.
Да снова честных не нашлось,
И мы по кругу начали слоняться.

Иные обещали накормить,
Коня, и упряжь новую наладить.
Но только успевали отломить,
Кусок от каравая. И – нагадить.

Повозка из болота медленно ползет,
Но шустрые на кочки перебрались.
Наперебой кричат, что скоро – взлёт,
Что лишь ленивые в грязи остались.

В Урюпинске собрались мужики,
О нашем «Челси» обсудить детали.
Что б горькую запить с тоски,
Они в ломбард, снесли свои медали.

И кто-то вспомнил жесткий кнут,
Который над повозкой долго правил.
Что без него, мол, навсегда мы тут,
И только он на верный путь направил.

Тогда бы тройку резвых скакунов
Запрячь в повозку. С ветерком катиться.
Когда, вот только, ссадим пацанов,
А герб двуглавый сменит мудрая орлица.

Чужая боль

Бывает, что чужая сердцу боль
Внезапно расцарапывает душу.
И я, вживаясь в чью-то роль,
Осознанно спокойствие нарушу.

Иной судьбы, касаясь невзначай,
Её беду всем сердцем понимаю.
И, ощущая острой бритвы край,
Проникновеннее внутрь принимаю.

Подобно рыцарю, забрало приподняв,
Чужих врагов я рассмотреть пытаюсь.
В порыве, в стремених привстав,
Наткнувшись, но удержусь, шатаюсь.

Меня спасет любовь и доброта,
Как верный конь на поле брани,
Не даст в бою погибнуть чистота,
Едва коснусь смертельной грани.

Наверно, потому чужую сердцу боль,
Мы так доверчиво к себе впускаем.
Переживаний горьких, словно соль,
Мы впитываем, учимся, вникаем.

Черта

Как день и ночь всегда разъединяет
Полоска утренней зари.
Так в душах наших изначально пролегает
Черта незримая внутри.

То мы живем, себя, вверяя Богу,
Его заветам праведным верны.
То, повинуюсь дьявольскому слогу,
Забрызгиваем кровью полстраны.

Творим бессмертные картины, книги,
Величием храмов услаждаем взгляд.
Пустыни покоряем и заснеженные пики,
И вдруг неистово сжигаем все подряд.

А как мы любим преданно и верно,
К ногам избранника слагаем свою честь.
Глаза, закрыв, мы наслаждаемся блаженно,
Но, ведь, предательств и измен не счесть.

В легендах воспеваем благородство,
И на знаменах пишем воинов имена.
Как часто нас обманывает сходство,
И за ошибки горько платим мы сполна.

Добро и зло присущи нашим душам,
Черта меж ними – внутренний закон.
И если мы её осознанно нарушим,
В игру вступаем, жизнь кладя на кон.

Чёрный фолиант

Со стеллажей на чёрном фолианте
Литая бляшка в отблеске свечи.
Как желтый глаз мигает в доминанте
И тайной манит в неизвестности ночи.

Мой робкий шаг по узким коридорам,
Под низким сводом эхом отдаёт.
И кто-то рядом клацает затвором,
И на прицел из темноты меня берёт.

Покой и сон у моря за спиною,
В тени прохладной свежестью зовёт.
Но чёрный фолиант, зарытый под горою,
Влечёт и заставляет двигаться вперёд.

Мне ветер нашептал, где истина храниться,
И странные виденья не дают уснуть.
Среди хребтов высоких Шамбала клубиться,
Но мне туда известен тайный путь.

Готов преодолеть крутые перевалы,
Судьба моя давно предрешена.
Мне не страшны пещеры и обвалы,
Я фолиант найду, какой бы ни была цена.

Хранительница тайны сокровенной,
Ремнём и медной бляхой скована в веках.
Всю власть над миром, судьбами вселенной,
Даруешь лишь держащему тебя в руках.

Какой соблазн повелевать и править,
Во мне растёт немислимый гигант.
А, может быть, в огонь тебя отправить?
Мне кажется, ты – дьявол, чёрный фолиант.

ФЛИНТ

У меня в душе не слышен звук тальянки,
Рыжий юнга чаще склянки бьёт.
Ветер с вантами играет в прятки,
И на мачте Роджер песнь свою поёт.

Стивенсон рассказывает сказки,
Флинт своё ржавьё куёт.
И Дантес, по Фариа указке,
Драгоценностей сундук берёт.

Там пираты парус подбирают,
Галионы в трюмах золото везут.
А конквистадоры инков побеждают,
Джентльмены гимн морям поют.

Одноногий Сильвер замышляет
Капитана Смоллита убить.
Дух авантюризма на море ветаает,
И судьба решает – быть или не быть.

Пророчество

Пророчество написано словами,
Доступное лишь светлому уму.
И даже не пытайтесь сами
Открыть веками скрытую суму.

Оно хранит предназначенье,
И часа ждет, укрытое в пыли.
Любого обожжёт прикосновенье
К сей тайне, спрятанной в дали.

Коварный план бедою обернётся,
Корыстным целям сбыться не дано.
Заклятье стражей встрепенётся,
И увлечет незваного на дно.

Лишь избранному будет предсказанье,
Ему дано сокровытый смысл найти.
Понять начертанное заклинанье,
И без ошибок сложный путь пройти.

Коснуться таинств мирозданья,
Баланс добра и зла понять.
И душу, против логики сознанья,
Как сказано в пророчестве, отдать.

Письмо

Когда костлявая с косою
над изголовьем наклонится,
По ее жесту я пойму – мне изготовлена гробница.
Что поутру мне суждено
в холодной дымке раствориться
И в расписании моем уже прочерчена граница.

Жестоким словом «никогда»
судьба молитву отчеканит,
И неоконченный рассказ
в листках у ночника оставит.
Рекою время пронесясь,
сотрет в душе воспоминанье,
И мудрой волею небес
мне приготовит предсказанье.

Назначит время и число,
когда вселюсь в иное тело,
И заново вступлю на круг,
где ждет меня другое дело.
Другие встречи и слова, другие страны и печали,
Совсем, совсем другая жизнь
и неизведанные дали.
Я с благодарностью приму
всё предназначенное свыше,
И в сторону не отверну,
коль суждено шагнуть мне с крыши.
Лишь об одном позволь просить,
когда судьбу мою верстая,
Захочешь каплю счастья дать,
меня за верность награждая.

Пусть наши души обретут
друг друга в суматохе буден,
Я ради этого готов
с утра стучать в шаманский бубен.
Пусть это странное письмо
тебе воочию явиться,
Когда костлявая с косою
над изголовьем наклонится.

Печаль

Печаль, как снег, ложиться по углам,
Холодную поземкой душу заметая.
Её прикосновение ощущаю по следам,
С хрустящей коркой ледяной у края.

Обломки их как лезвия блестят,
Кольцом коварным сердце окружая.
Они вонзиться неминуемо грозят,
В оцепенение ожидание превращая.

Замру на миг, в попытке переждать,
Её шаги другой тропой направить.
Но любит она ночью побеждать,
И в завершение знак печали ставить.

Лишь стоит сделать первый шаг
По битому стеклу воспоминаний,
Как встрепенётся мой незримый враг,
Из лабиринта неосознанных желаний.

Напомнит злобно, сколько я не смог,
Чего хотел, но не успел добиться.
Печаль неслышно ступит на порог,
Как снег в ночи, начнет кружиться.

К утру сугробы грусти наметет,
Метель по улицам души остылой.
И буду ждать, когда рассвет придет,
Под завывание мелодии унылой.

Память

Расставанья и встречи моя память хранит,
Снег, упавший на плечи, там как прежде лежит,
Чья-то песня весною у костра всё звучит,
Лунный след за кормою в тишине чуть блестит.

Этот мир заколдован и подвластен лишь мне,
Каждый миг там прикован, словно цепью к стене.
Даже эхо застыло в этой странной стране,
Как давно это было, словно в призрачном сне.

Я туда возвращаюсь, если в сердце тоска,
К роднику накланяюсь, если боль глубока.
Принесёт созерцанье мне видений река,
Успокоив сознание, словно жажду песка.

И прохладные мысли нанесут свой визит,
Обращая пространство перед злобой в гранит.
Забывая коварство, никого не бранит,
Расставанья и встречи моя память хранит.

Отцу

Порой мне снится отчий дом,
Неясных персонажей полный.
Где у двери встречает гном,
Серьезный и немногословный.

Украдкой в душу глянет мне,
Как будто в чем-то осуждая.
И, звякнув связкой на ремне,
Пропустит, не сопровождая.

Знакомый мир родных вещей
Теплом из детства окружает.
Как будто сказочный кощей
Их здесь навеки сохраняет.

Все на местах своих лежит,
Не движется и не пылится.
У свечки пламя не дрожит,
И занавес не шевелится.

Лишь гости бродят в тишине,
Меня совсем не замечая.
И тают тенью на стене,
На всё молчаньем отвечая.

Зачем являются сюда
И старый дом они тревожат.
Быть может, ждут они суда,
Иль думают, что дом поможет.

Немало лет он простоял,
И видел многое и многих.
Тех, кто на полпути застрял,
Не соблюдая правил строгих.

Из мира в мир переходя,
Не пожелал со злом мириться,
Покой душевный не щадя,
Он вновь намерен воплотиться.

Иль призраком навеки стать,
Веками ждать заветной встречи.
И все кому-то рассказать,
Найдя посредника для речи.

Возможно, это – миражи,
И плод моих воображений.
Мой милый дом, мне подскажи,
Развей неясный дым сомнений.
Ужели вправду мне дано
Здесь грустный взгляд отца увидеть.
И я скажу, что сам давно,
Детей учу любить и ненавидеть.

Что стал спокойней и мудрей,
Но часто сон мой мысль тревожит,
Что не успел я быть добрей,
И обижал его, быть может.

Что хочется его обнять,
И вновь помериться плечами.
Так много хочется сказать,
Вот потому не сплю ночами.

Она

В полночный час негласно и незримо,
Когда в камине тусклый огонёк погас,
Она явилась, будто проходила мимо,
Припомнив, что сближало раньше нас.

Едва присев, на край моей кровати,
Прохладною ладонью сон остановив.
Беззвучно извинилась, что некстати,
Чтоб я простил её шальной порыв.

Ей так давно хотелось объясниться,
Тень недосказанного с сердца удалить.
Простить, а, может быть – проститься,
Никчемных обещаний больше не сулить.

Как лунный свет, глаза полны загадкой,
И голос милой эхом призрачным звучит.
Хотя мы раньше виделись украдкой,
Но сердце помнит всё и бережно хранит.

Весенний дождь нас заключил в объятья,
Короткий взгляд, улыбка, жест издалека.
И наши души встретились, как братья,
Их просто разлучала времени река.

Она была, как чуткий летний сон,
Прохладой утра, тихим майским садом.
Она была, как за рекой вечерний звон
И вдруг один туман остался рядом.

Теперь сквозь пелену осеннего ненастья,
Ко мне приходит лишь подруга без лица,
Мы долго спорим, кто достоин счастья,
И часто верх берет она – моя бессонница.

Одиночество

Неровной, нервной линией отрыва
Слова в судьбу внезапно ворвались.
И балансируя у края черного обрыва,
От напряженья мои мысли запеклись.

Вся жизнь как пуля сплющилась о камень.
В какой-то узкой трещине застряв.
И белый свет закрыл тяжёлый ставень,
Я в одиночество упал, опору потеряв.

Из темной бездны голоса звучали,
И в зазеркалье мне мерещились глаза.
Они настойчиво меня с собою звали.
Спасенья не нашёл, упав под образа.

Душа металась раненной орлицей,
Уткнувшись в безразличья острые края.
Я сам себе казался глупой птицей,
Попавшей в клетки плен небытия.

Лишь шёпот милой моё сердце успокоил,
Он был сильнее шторма и могил.
В тот миг отчаянья дорогого стоил,
Он тихим счастьем мою душу напоил.

Объятья

Вся наша жизнь исполнена объятий,
Разлуки, встречи, радость и беда.
Оберегая близких от проклятий,
Мы прижимаем к сердцу их всегда.

Объятья матери нас в детстве согревают,
Любовь и радость нам передают.
Но те, кого заботой в детстве обделяют,
Убогими и злобными растут.

В обнимку с другом детства мы клянёмся,
Что друг за друга жизнь мы отдадим.
И женихом с невестой сразу назовёмся,
Когда, обнявшись, с кем-то во дворе стоим.

А школьный бал в объятьях первый танец дарит,
И первый поцелуй в объятьях лишь звучит.
И летний вечер звёздным небом манит,
Когда в объятьях сердце бешено стучит.

Сурового отца прощальные объятья
Всю жизнь мы в памяти храним.
В дорогах дальних нам друзья, как братья,
Обнявшись с ними, перед смертью устоим.

И пусть судьба подарит счастье
Вернуться в дом, где любят нас и ждут.
Под крики «горько» – жаркое объятье,
И губы милой мои губы обожгут.

И первенца, в волнении глубоком,
Я обниму, дыханье затаив.
И все обиды, что свершит он ненароком,
Прощу, обняв и голову склонив.

С годами мы становимся мудрее,
Со временем объятья всё добрей.
Не то, чтоб звали мы костлявую скорее,
Ну, а придет с косой – обнимемся и с ней.

Начертано судьбой

Случайных встреч предназначенье
В судьбе начертаны божественной рукой.
Их тайный смысл и сути проявленье
Намеком смутным будоражат наш покой.

То – сладкий миг, то – жуткое виденье,
Нас ожидает на ступеньках бытия.
Поддавшись чувствам в первое мгновенье,
Покорно следуем законам жития.

Лишь позже, взор к истокам обращая,
Пытаемся причину отыскать.
Событий ленту медленно вращая,
Надеемся их тайну осознать.

Свой рок клянем за беды и лишения,
И за любовь Создателя благодарим.
С мольбою ожидаем откровенья,
От всех богов, что подарил нам Рим.

Как многогранны знаков толкованье,
Порою прорицатели царей зовут на бой
Лишь сердцем мы поймем предназначенье
Случайных встреч, начертанных судьбой.

Надежда

Блестящий лозунг мудреца –
Свобода, равенство и братство.
Заполнил пылкие сердца,
Надежду водрузив на царство.

Немало крови пролилось
Во исполнение желаний.
Но всё же, так и не сбылось,
Заветное из тех посланий.

Свободу каждый понимал
Для слова, дел и наслаждений.
Но у другого отнимал
Частицу посланных мгновений.

Как равным целый век прожить,
Когда мы рождены иными.
Стремимся уникальностью дразнить,
И как равняться нам с больными.

Брататься с миром не с руки,
Лукавить вряд ли кто захочет.
Достаточно одной строки
Для тех имен, что нам пророчат.

Но всё же грустно сознавать,
Что умер миф. Но мы как прежде,
Готовы сердцем принимать
Три слова в призрачной надежде.

Иногда

Порою близкие, ушедшие навеки,
Из темноты глядят в мои глаза.
Чтобы побыть наедине, я закрываю веки,
И застываю, будто предо мною образа.

Их мысль звучит во мне и эхом отдается.
Без страха и сомненьям вопреки,
С родными душами общаться удается,
Упрятыми Хроном по другую сторону реки.

Несказанное прежде вдруг всплывает,
О чем не смел спросить, и не успел сказать.
Теперь никто и ничего не укрывает,
И нет намерений молчаньем отказать.

А иногда мы просто вспоминаем,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.